

стремлению к изощренности и причудливости некоторых его современников. Автор приводит доказательства того, что эстетическая программа писателя была враждебна декадентам, что он был врагом тезиса «искусства для искусства» и требовал от художника учиться у природы и быть целеустремленным в поисках истины.

Как ни противоречив творческий облик Батлера, это не может служить оправданием непоследователь-

ности ученых, изучающих его творчество, в том числе и Л. Холта. Но главным выводом своей работы — о реалистическом характере наследия Батлера — Л. Холт вносит свою лепту в борьбу передовой критики за правдивое освещение литературной судьбы этого талантливого и правдивого художника.

И. ВЛОДАВСКАЯ

г. Донецк

КОРОТКО О КНИГАХ

ПОЭТ И ВРЕМЯ*

Книга Д. Бугаева «Владимир Дубовка» посвящена творчеству старейшего нашего писателя, одного из родоначальников белорусской советской литературы. Автору предстояло исследовать творчество поэта трудной судьбы, который в результате злого навета был на целых тридцать лет отстранен от литературы. Вокруг имени В. Дубовки была возведена мощная ограда из всяческих «разоблачений», а сила критической инерции и по сию пору такова, что литературоведу пришлось, привлекая многочисленный архивный, эпистолярный и вообще широкий документальный материал, снова и снова белому возвращать цвет белого. Насыщенность фактами придает известную тяжеловесность отдельным страницам работы, — в данном случае беда, по-видимому, неизбежная.

Нынешний всесоюзный читатель, к сожалению, мало знает В. Ду-

бовку — поэта-новатора, одним из первых прокладывавшего новые пути белорусской пролетарской поэзии. По-настоящему оценить роль этого поэта в литературном процессе 20-х годов можно было, лишь учитывая своеобразие традиций белорусской литературы, которая сильна была в «крестьянско-бытовой» стилистической разновидности (точно так же, как и литературный язык представлен был одним монолитным традиционным пластом). В сложной борьбе и в очень сжатые сроки литература обогащалась, в языке развивались все современные функциональные стили, способные выразить многогранную современность с ее многочисленными сферами, проблематику интенсивного и противоречивого XX века.

И исследователь (именно исследователь, потому что истину о творчестве В. Дубовки приходилось добывать как бы заново) смог убедительно показать новаторские задачи, вставшие сразу же после Октября перед литературным поколением, ко-

* Д. Бугаев, Владимир Дубовка. Критико-биографический очерк, «Беларусь», Минск, 1965. 181 стр. (на белорусском языке).

торое пришло с революцией. То была пора становления социалистического реализма на национальной почве, в самобытных формах, в условиях по существу стилистической неразвитости белорусской литературы.

В. Дубовка вместе со своими единомышленниками А. Бабареккой, К. Чорным и другими писателями, которые организовали в 1926 году литературное объединение «Узвышша», успешно проводили в жизнь широкую творческую программу создания современной высокохудожественной школы. Писателям приходилось быть разносторонними специалистами, заниматься проблемами синонимии, новообразованной лексики, благозвучия нашего языка, заимствований из других языков, вопросами белорусской письменности, приходилось быть и фольклористами, искусствоведами...

В. Дубовка успешно осваивал новые темы и проблемы, средствами современной поэзии он преодолевал бытовую конкретность нашей лексики, много работал над расширением смысловых горизонтов слова. Д. Бугаев отмечает у поэта дар преобразовать жизнь, воздействовать на нее, жить коммунистическим завтра. На анализе архитектоники в известной степени экспериментальных поэм, таких, как «Штурмуйте будущего аванпосты», «Бранислава», «Круги» и другие, Д. Бугаев небезуспешно пытается показать поиски поэтом сложной многоплановой композиции, которая доносила бы многоголосье, насыщенность «бегущего дня».

Как всегда бывает в серьезных поисках, не обходилось и без творческих потерь. Поэт порой отрывался от земли, от традиций. Нашему конкретному слову очень уж непривычны были далеко разошедшиеся круги ассоциаций, которые так характерны

для поэзии В. Дубовки. Д. Бугаев с позиций сегодняшнего уровня науки оценивает и определенную узость, односторонность позиции В. Дубовки тех лет. Справедливо отмечает автор книги и то, что смелые, теоретически обоснованные взгляды В. Дубовки на пути развития белорусской поэзии не были в то время поняты некоторыми литераторами.

Творчество В. Дубовки рассматривается в книге в контексте литературного процесса того времени. И хотя эстетический анализ мог бы быть более обстоятельным, однако на конкретном разборе сборников поэта «Стремнина», «Там, где кипарисы», «Тростники», «Credo», «Наля» литературоведу удалось показать те новые явления, которые наступали в нашей литературе. И не случись беды, в результате которой на целых тридцать лет вульгаризаторская критика заставила забыть достижения В. Дубовки, нам легче было бы преодолевать те трудности, над которыми еще и сегодня бьются белорусские поэты.

Несколько обща и описательна глава монографии о сегодняшней литературной деятельности В. Дубовки, который смог сохранить молодость, новизну восприятия мира. Он создает поэмы «Пред именем любви», «Ждет у берега челн меня», интересную книгу стихов «Полесская рапсодия», удостоенную республиканской премии имени Янки Купалы,— и эта неиссякаемая творческая активность хорошо показана в очерке.

Однако наступило новое время, и поэт не всегда находит краски и образы, чтобы выразить его тональность. Привязанность к прежним, ранее найденным творческим решениям кладет отпечаток на некоторые его стихотворения. И автор книги из желания избежать сложного эстетиче-

ского разбора их сбивается порою на описательность — заключительные страницы носят беллетристический, очерковый характер.

В книге почему-то не нашла достойного освещения богатая переводческая деятельность поэта. В. Дубовка в последние годы уделяет большое внимание художественному переводу классиков мировой литературы (Байрон, Шекспир), создавая вместе с такими известными переводчиками, как И. Семижон, Ю. Гаврук, свою школу очень глубокого, точного перевода, чуждого малейшего неуважения к подлиннику.

Д. Бугаева следовало бы упрек-

нуть в многословности изложения, которая объясняется отчасти, по-видимому, тем, что в полемике ввиду сложности задачи он вынужден постоянно оговариваться, повторяться, учитывать все возможные возражения. Многословие вызвано и неразработанностью литературоведческой терминологии, что так остро впервые почувствовала наша литературная мысль еще в 20-е годы. Там, где следовало бы думать над выработкой более точных терминов, автор работы часто избирает путь описательный.

А. ЯСКЕВИЧ

г. Минск

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА В УЗБЕКИСТАНЕ*

Уже в незапамятные времена узбекскому народу, имеющему древнюю культуру, были известны в переводе на родной язык замечательные литературные произведения Востока, они стали достоянием культуры и истории Узбекистана. С переводом тесно связана история узбекской науки и культуры.

Литература обогащалась за счет перевода новыми мотивами, сюжетами, художественными образами. Вот почему изучение проблем, связанных с историей перевода, поможет восстановить конкретные пути развития узбекской литературы, ее взаимосвязей с литературами и культурой других народов.

В своей книге Дж. Шарипов осветил историю перевода не только художественных произведений, но и философских, исторических, географи-

ческих, медицинских, религиозных книг, словарей, а также дипломатических документов и публицистических сочинений. В монографии приведены материалы по истории литературы, стилистики, лексикологии, диалектологии. В книге, основанной на всестороннем и тщательном изучении архивных документов, книжных фондов, периодической печати, приведен богатый материал о переводах, сделанных на узбекский язык с арабского, персидского языков за большой промежуток времени, начиная с X века до Октябрьской революции. Автор сообщает немало новых сведений по истории распространения русского языка и русской литературы в дореволюционном Туркестане, показывает влияние передовых идей русских просветителей.

Воссоздавая историю перевода, Дж. Шарипов не отрывает ее от истории народа. Принцип историзма выдержан и в том отношении, что

* Дж. Шарипов, Из истории перевода в Узбекистане. Под редакцией Г. Саллямова, «Наука» УзССР, Ташкент, 1965, 482 стр. (на узбекском языке).